

УДК 340.15

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-722-735

Двуликий Янус: о природе русского средневекового и раннеמודерного права

Пенская Т.М., Туранин В.Ю., Пенской А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблемы, связанные с развитием русского права в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, занимают в работах отечественных и зарубежных историков и правоведов отнюдь не последнее место. Традиция рассматривать эволюцию правовой системы с упором на анализ норм писаного, кодифицированного права, заложенная в XIX в., остается неизменной и по сей день. Связано это явление с лучшей сохранностью источников по истории писаного права. Вместе с тем давно установлено, что обычное право, правовой обычай и традиция играли в жизни русского общества в то время существенную роль. В статье автор выдвигает гипотезу, согласно которой в рассматриваемое время русское право было построено на единстве и борьбе двух начал – права обычного, «народного», и права писаного, «княжеского». При этом автор исходит из того, что обычное право на протяжении большей части этого периода играло более значимую роль, нежели писаное. Объясняется это, по мнению автора, слабостью власти, обусловленной несовершенством и неразвитостью государственной машины. В этих условиях власть была вынуждена мириться с существованием обычного права и той чрезвычайно важной ролью, которое оно играло в регулировании правовых отношений в русском обществе.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, право, судопроизводство, обычное право, писаное право, Русь, Россия, власть, общество

Для цитирования: Пенская Т.М., Туранин В.Ю., Пенской А.В. 2021. Двуликий Янус: о природе русского средневекового и раннеמודерного права. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 722–735. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-722-735

Two-faced Janus: On the Nature of Russian Medieval and Early Modern law

Tatyana M. Penskaya, Vladislav Yu. Turanin, Alexander V. Penskoy

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

E-mail: penskaya@bsu.edu.ru, turanin@bsu.edu.ru, 1030426@bsu.edu.ru

Abstract. Questions of the history of Russian law in the Middle Ages and early Modern occupy not the last place in the works of Russian and foreign historians and jurists. The tradition of considering the evolution of the legal system laid down in the XIX century with an emphasis on the analysis of the norms of written, codified law, remains unchanged to this day at the same time. This phenomenon is connected with the better preservation of sources on the history of written law. At the same time it was established long ago that customary law, legal custom and tradition played a significant role in the life of Russian society at that time. In the article the author puts forward a hypothesis, according to which, at the time under review, Russian law was built on the unity and struggle of two principles - the law of the common, "popular", and the law of the written, "princely". The author proceeds from the fact that customary law during most of this period played a more significant role than written law at the same time. This is explained, according to the author, by the weakness of the government, caused by the imperfection and underdevelopment of the state machine. Under these conditions, the authorities were forced to put up with

the existence of customary law and the extremely important role that it played in regulating legal relations in Russian society.

Keywords: Middle Ages, early Modern, law, legal proceedings, customary law, written law, Russia, Russia, power, society.

For citation: Penskaya T.M., Turanin V.Yu., Penskoj A.V. 2021. Two-faced Janus: On the nature of Russian Medieval and early Modern law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 722–735. DOI (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-722-735

Введение

В 1876 г. в журнале «Русская мысль» была опубликована небольшая, но содержащая ряд любопытных наблюдений статья отечественного правоведа А.Н. Филиппова. В частности, он указывал на то, что «у нас в истории [права] долго действует *двоеначалие*: рядом с законодательной властью, нормирующей правовые отношения, действует, как творческая сила, и обычное право народа» (курсив наш. – А. Ф.), причем, по мнению исследователя, это «двоеначалие» как сосуществование права обычного и права писаного кодифицированного существовало даже и в московский период истории русского права [Филиппов, 1876, с. 58].

Выдвинутый и обоснованный А.Н. Филипповым в этом небольшом исследовании тезис о «двоеначалии» средневекового русского права (которое, на наш взгляд, имело свое продолжение и позднее – в эпоху не только раннего Нового времени, но и много позже) не получил, к сожалению, должного развития в последующей отечественной историографии русского права. Нет, нельзя сказать, что сама по себе идея о сосуществовании двух правовых систем, права писаного, «официального», и права традиционного, основанного на обычае, никак не рассматривалась в отечественной историко-юридической традиции. Со времен Николая I, мечтавшего (и приложившего немало усилий для воплощения этой мечты в жизнь) о превращении Российской империи в *Rechtsstaat*, русская историко-юридическая наука развивалась под сильным влиянием немецкой исторической школы юриспруденции с ее особым вниманием к «народному праву» (*Volksrecht*), которое, по словам одного из основателей и виднейших представителей этой школы Ф.К. фон Савиньи, «живет в общем сознании народа» и является производным от «народного духа» (*Volksgeist*), «совокупно живущего и действующего во всех отдельных людях» и связанного с «индивидуальной природой отдельных народов» [Савиньи, 2011, с. 282, с. 283]. Отсюда и то внимание, которое и в старой, императорской России, уделялось изучению обычного права (в том числе и крестьянского, интерес к которому особенно вырос после реформы 1861 г.). Составление подробного историографического обзора изучения данной проблемы в отечественной историко-юридической традиции в ее прошлом и настоящем не входит в нашу задачу, тем более что такие обзоры уже делались другими авторами [Безгин, 2017; Пашенцев, Чернявский, 2016]. Для нас важнее другое – попытаться уяснить особенности системы средневекового русского права и особенности же взаимодействия обычного («народного») и писаного («княжеского») права (оставив при этом за скобками право церковное, каноническое).

Методы исследования

Приступая к работе над этой статьей, мы руководствовались следующими теоретико-методологическими соображениями. Прежде всего процитируем высказывание известного отечественного медиевиста А.Я. Гуревича. Характеризуя обычное право эпохи Средневековья, он отмечал, что прежде всего «средневековое право было *ratio vivens*, а не *ratio scripta*» и, как следствие, «уступая закону, писаному праву в стройности, систематично-

сти, недвусмысленности и законченности, обычай оказывался творческим фактором средневекового права, был средством, дававшим возможность самым различным слоям и группам общества участвовать в выработке и истолковании права» [Гуревич, 2007, с. 152].

Далее, касаясь различий между законом и обычаем, он отмечал, что «нормы, зафиксированные в законе, становились неизменными, впредь надлежало следовать букве закона, ни в чем от него не отступая, закон приобретал независимое бытие, отвлекаясь от породивших его обстоятельств». При этом, подчеркивал автор, наиболее важным в этом было то обстоятельство, что «запись права вела к своего рода "отчуждению" его от его творцов, которые впредь уже не могли оказать на него своего воздействия и изменить его», ибо «толкование закона в дальнейшем становилось исключительной монополией судей, властей, но не общества, которое тем не менее должно было ему подчиняться» [Гуревич, 2007, с. 152]. Такое отношение не могло не привести к тому, что, как отмечал В. Украинский, «с течением времени у крестьян с понятием "закон" соединяется представление о чем-то бессмысленно-разрушительном, что, врываясь в деревню (а средневековое общество по своей сути – общество деревенское, аграрное. – А. Ф.), словно стихийная сила коверкает, калечит крестьянскую жизнь, попирает сложившиеся в народе правовые нормы и воззрения» [Украинский, 1906, с. 71].

Нетрудно заметить, что при таких раскладах обычное право в известном смысле действительно было «народным», «демократическим», теснейшим образом связанным с повседневным бытом и жизнью, и потому ощущалось «своим» если не большинством, то, во всяком случае, значительной частью населения. И, вполне устраивая его, обычное право поэтому было чрезвычайно живучим и устойчивым, тогда как писаное, «княжеское право», отчужденное от этого «народа» и противостоящее привычному обычному праву, воспринималось как чуждая и враждебная сила, нарушающая общественные устои. Здесь необходимо вспомнить про выдвинутую французским антропологом К. Леви-Строссом концепцию «холодных» и «горячих» обществ. «Одни из них («холодные» – А. Ф.) стремятся, – писал он, – благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать, квазиавтоматически, то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы; другие («горячие» – А. Ф.) решительно интериоризируют историческое становление, чтобы сделать из него двигатель своего развития» [Леви-Стросс, 2008, 438]. При этом, подчеркивал исследователь, «холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными), желают его (неизбежный процесс, перемен и изменений привычного образа жизни – А. Ф.) игнорировать и *пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития ...»* (здесь и далее курсив наш. – А. Ф.) [Леви-Стросс, 2008, с. 439]. В том же, что средневековое русское общество можно со всеми на то основаниями отнести к традиционалистским, отверженным к «старине» («все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» [Розанов, 1904, с. 34]), нет сомнений.

Результаты и обсуждение

Итак, традиционализм средневекового русского общества (и это его свойство сохранилось еще очень и очень долго) неизбежно предопределил и отношение этого общества к такой «новине», как писаное право. Это отношение можно охарактеризовать если не как неприязненное, то, во всяком случае, как настороженное. Безусловно, с течением времени эффект привыкания к «новинам» срабатывал, и степень настороженности постепенно снижалась, однако этот процесс был очень и очень долгим и растянутым по времени. Связано это было с рядом обстоятельств. Прежде всего стоит заметить, что на протяжении всего Средневековья и большей части раннего Нового времени верховная власть (при этом неважно, идет ли речь о России или о других, соседних с ней государствах) не

обладала в должной степени развитой инфраструктурой власти («*sinews of power*» [См.: Brewer, 1989]) и соответствующим административным ресурсом с тем, чтобы навязывать свою волю обществу и диктовать ему свои условия игры. Как отмечал К.В. Петров (применительно к эпохе становления и развития централизованного Русского государства, но тем более эти слова имеют отношение к более ранним временам), «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». Как результат, продолжал он дальше, «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, *относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения...*» [Петров, 2008, с. 376].

Эта институциональная слабость государства и его несовершенство как механизма реализации властных полномочий, которыми формально был наделен государь, неизбежно вела к тому, что верховная власть вынуждена была искать опоры в «земле», в тех социально-политических структурах и общественных институтах, что поддерживали существование социальной ткани общества (в широком ее смысле) и ее регулярное воспроизводство. Здесь необходимо отметить, что в последние десятилетия в историографии постепенно утвердилась мысль о том, что не стоит переоценивать степень «внутренней» сплоченности и «централизованности» раннемодерных государств. Именно в силу их относительной слабости верховная власть была вынуждена не только и не столько опираться на насилие, сколько искать взаимодействия с местными элитами («политическим народом», то есть с теми структурами, которые обладали должным влиянием и авторитетом на местах). Как отмечала К. Борки, она была вынуждена «делить контроль со множеством посреднических структур и с местными элитами, религиозными организациями и местными органами самоуправления, и множеством иных привилегированных образований» [Barkey, 2008, с. 10]. Обеспечивая себе лояльность местных элит и их готовность сотрудничать в обмен на уступки, в т.ч. и на сохранение пресловутой «старины» (посредством переговоров и поиска взаимовыгодного компромисса в первую очередь, как отмечали Дж. Брюэр и Э. Хелльмут [Brewer, Hellmuth, 1999, с. 12], что, впрочем, не исключало и применение насилия), верховная власть получала возможность реализовывать свои функции и добиваться своих целей.

Однако власть опиралась не только на местные элиты, привлекая различными способами их на свою сторону. Она стремилась заручиться и поддержкой «молчаливого большинства», основной массы народонаселения, подданных. Прочитируем мнение известного русиста Н. Коллманн. В одной из своих последних работ, касаясь проблемы легитимации царской власти в раннемодерном Русском государстве, она отмечала, что и в России, и в других государствах раннего Нового времени подданные были лояльны власти в том случае, если «государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе», не говоря уже о том, что на государя возлагались надежды, что он будет поддерживать справедливость в обществе и восстанавливать ее, если она будет нарушена [Kollmann, 2012, с. 416, 417]. Следовательно, «земля», «мир» ожидали от государя, что он будет поддерживать традиционный порядок и судить праведно, опираясь на обычай прежде всего. В этой формуле легитимности писаному, кодифицированному праву, в особенности если оно официально не являлось «изводом», «редакцией старины», места по существу не было или же оно играло второстепенную, подчиненную по отношению к обычаю роль.

Наблюдения Н Коллманн и иных зарубежных исследователей, увязывающих во-едино степень успешности реализации верховной властью своих функций с лояльностью к ним подданных тем любопытнее, что они находят свои параллели в работах отечествен-

ных исследователей. Так, Ю.Г. Алексеев указывал на патерналистский, патриархальный и, как следствие, неформальный, не оформленный в виде какого-либо писаного документа (хартии) характер русской государственности [Алексеев, 2001], а Н.Н. Покровский, в свою очередь, в предисловии к работе Ю.Г. Алексеева отмечал, что в раннемодерном Русском государстве верховная власть «была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии "государство", а на двух понятиях – "государство" и "общество", на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и посадские общины-«миры», дворянские корпорации-«города» и пр. – А. Ф.). Но это автоматически означало *серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны...*» [Алексеев, 1991, с. 5].

Но не только этим была обусловлена «вторичность» писаного права на Руси. Есть и другое, не менее, может быть, а более важное обстоятельство, о котором, как правило, не принято было прежде говорить, а именно уровень развития письменной культуры и вообще, роли письма и документа, грамоты, хартии в жизни общества. Проблема эта сложная, изученная явно недостаточно и до последнего времени явно ненаходившаяся в приоритете у исследователей права. Вместе с тем стоит привести ряд любопытных наблюдений, которые имеют непосредственное отношение к поднятой нами проблеме. Прежде всего стоит, на наш взгляд, обратить внимание на тезис, выдвинутый Э. Коэн. Анализируя особенности развития права и правовой культуры в средневековой Франции, она писала, что распространение писаного права в эту эпоху было связано в первую очередь с распространением грамотности (причем не «обыденной», но «высокой», и эта наша оговорка не случайна) и распространением ее использования на все новые и новые сферы жизнедеятельности общества. Как результат, на протяжении длительного времени писаное, кодифицированное право представляло собой по большей части памятник культуры («высокой культуры»), и лишь в последнюю очередь свод действующего права [Cohen, 1993, с. 8]. В самом деле, в условиях, когда рукописная книга стоила дорого и требовала немалых усилий для своего изготовления, сделать юридические кодексы не то чтобы общедоступными, а хотя бы снабдить их копиями наиболее важные судебные присутствия, являлось весьма нетривиальной задачей и с финансовой, и с технической сторон. Прорыв на этом направлении стал возможен с изобретением книгопечатания (да и то не сразу – первопечатные книги сами по себе тоже были недешевы, и к тому же требовалось преодолеть определенное недоверие общества к этому новому способу передачи информации).

Но и это еще не все. Характеризуя бытование письменности в средневековой Руси, британский славист С. Франклин писал, что в домонгольский период истории ее развитие «шло на крайних территориях, максимально удаленных друг от друга: с одной стороны, в самых торжественных и формализованных религиозных ритуалах; с другой стороны, в суевериях финансовых и даже домашних дел, определявших неформальную жизнь города». Пространство между церковной, «сакральной» письменностью (сохранились сотни манускриптов, содержащих произведения церковной или околоцерковной книжности) и письменностью повседневной, обыденной, «профанной» (на нынешний момент найдено более 1 тыс. берестяных грамот), по его словам, было освоено русским обществом лишь в самой малой степени [Franklin, 2002, с. 278]. Между тем именно сюда, в это промежуточное пространство, и попадала «Русская Правда» и иные подобные ей юридические кодексы и иная «административная» (или «формальная») письменность. В этом отношении средневековая Русь предстает перед нами как общество «бесписьменное». Однако, по мнению С. Франклина (и мы в том с ним согласны), это обстоятельство «никоим образом не говорит об отсталости и неразвитости светских учреждений». Напротив, считал он, оно косвенно ука-

зывает на «на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции. К вопросу о степени традиционности и консервативности мышления средневекового русского общества!) и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при "логическом" (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» [Franklin, 2002, с. 277].

В.М. Живов, касаясь причин такой «бесписьменности» средневекового русского общества (хотя, казалось бы, откуда ей взяться, если Русь в культурном отношении испытала сильное влияние Византии – истинной преемницы Римской империи, римской культуры, в т. ч. и юридической), полагал, что все дело заключается в отсутствии того, что он назвал «римской прививкой», включавшей в себя обширнейший пласт письменной «формальной», в т. ч. и юридической, письменной культуры. «Киевская Русь римской прививки не получает, – писал он, – легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает. Не делает этого, естественно, и наследующая ей Русь Московская, еще более отдалившаяся от чужого римского прошлого» [Живов, 2002а, с. 296]. Почему, возникает вполне логичный вопрос. Ведь, казалось бы, заимствуя у Византии основы ее культуры, средневековая Русь эту «прививку» должна была непременно получить?

В.М. Живов дает ответ на этот вопрос: по его мнению, проблема заключалась в характере рецепции византийской культурной традиции на Руси. С одной стороны, указывал он, сама Византия особо не стремилась делиться с кем бы то ни было своими сокровищами («глупо отдавать свое добро и раскрывать перед другими народами знание сущего, которым гордится и за что чтим всеми ромейский род» – говорил по этому поводу император Феофил¹, а с другой стороны – и сама Русь не испытывала особой потребности в заимствовании именно этой стороны византийской культуры [Живов, 2002а, с. 295. Ср.: Иванов, 2003, с. 339–344]. Своего рода манифестом этой, в каком-то смысле даже воинствующей незаинтересованности звучат слова знаменитого расколоучителя протопопа Аввакума: «Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже *ритор и философ не может быть христианин*. При этом стоит заметить, что, судя по обмолвкам в письмах и иных творениях неистового протопопа, сам он был знаком с основами «гуманистической» традиции, он отверг ее...»².

Это равнодушие к позднеантичной составляющей византийской культурной традиции, было обусловлено, судя по всему, не только тем, что средневековая русская культура (в отличие, от, к примеру, западноевропейской), формировалась на своего рода «культурной целине». Но была, по мнению В.М. Живова, и другая, не менее, если не более, важная причина. Выделив в самой византийской культурной традиции два начала, «гуманистическое», ориентированное по большей части на античное культурное наследие, и «аскетическое», делавшее упор на раннехристианские культурные ценности, исследователь пришел к выводу, что на Руси было заимствовано именно «аскетическое» начало с его негативным отношением к «эллинству» и его премудростям. Отсюда проистекает и характерная черта средневековой русской образованности и связанной с нею книжности – они носили ярко выраженный «катехитический характер» и были ориентированы на корпус религиозных текстов [Живов, 2002в, с. 81]. Светская культурная составляющая здесь практически не присутствовала (в т.ч. числе и юридическая). Больше того, как отмечал В.М. Живов (и мы

¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Изд. подг. Любарский Я.Н. Спб., Алетей, 2009. – 400 с. (IV. 27, С. 125) – (Византийская библиотека. Источники).

² Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – 367 с. (С. 120) – (Литературные памятники Сибири).

присоединяемся к его выводам), «функции византийско-церковнославянских юридических памятников относятся к ... сфере идеологии; *эти памятники воспринимаются как часть христианской культуры и получают религиозную, а не практическую значимость...*» [Живов, 2002а, с. 297]. Так что даже к тем памятникам византийского «воцерковленного» и подвергнутого одновременно «эллинизации» и «варваризации» римского права с его особым отношением к формальной стороне вопроса на Руси относились не как к действующему праву, а как к некоей Истине, том самом «знании о сущем», а не как к действующему здесь и сейчас праву, нуждающемуся в изучении, комментировании и распространении. Поэтому на Руси не сложилась традиция теоретического изучения права (неважно, византийского ли или же собственно русского) посредством хотя бы того же глоссирования, как в Западной Европе.

Добавим к этому, что если на Западе главным носителем «гуманистического» начала (и, следовательно, римского легального дискурса) со времен раннего Средневековья был город, который в большей или меньшей степени унаследовал традицию позднеантичного имперского полиса, то средневековые русские города формировались и развивались на иной культурной почве, никак или крайне мало связанной с позднеантичной, и уже в силу этого не могли выступать в качестве носителей легального дискурса, пусть даже и в византийском его изводе.

Итак, подведем предварительный итог. В эпоху Средневековья на Руси сложилась характерная историко-культурная ситуация, которая препятствовала закреплению и широкому распространению «формальной» административной письменности, составной и неотъемлемой частью которой являлась соответствующая юридическая культура, основанная на писаном праве. Основанное на традиции и обычае чрезвычайно консервативное мировосприятие обществом универсума имело настолько устойчивый характер, что, как отмечал уже неоднократно цитировавшийся нами прежде В.М. Живов, «при любых послаблениях государственной религиозной и культурной политики... вновь являет свою жизненность, пробиваясь, как зелень через потрескавшийся камень», даже спустя столетия после возникновения [1988, с. 38].

В условиях, когда само государство, которое как будто должно было быть заинтересовано в развитии легального дискурса, не проявляло должной настойчивости в его внедрении и развитии (как отмечал М.М. Кром, характеризуя развитие русской бюрократии во 2-й четверти XVI в., в эпоху пресловутого «боярского правления», объем деловой переписки и исходящих из центральных административных структур грамот соответствовал примерно тому уровню, который во Франции был достигнут еще в XIII в. [Кром, 2010, с. 374]), довольствуясь тем, что есть здесь и сейчас, удивляться тому, что писаное право на протяжении долгого времени находилось на обочине развития русской правовой культуры общества, не стоит. Власть, сама состоящая из людей, воспитанных в почтении и уважении к обычаю и соотносивших свои действия с ним, не обладавшая, как было отмечено выше, должным авторитетом и административным ресурсом, не настаивала на переходе на новую форму разрешения правовых коллизий, довольствуясь тем, что есть. Если, как отмечал М.А. Дьяконов, даже московские государи «еще не сознают, что их воля может творить право», поскольку «в их глазах *всякое право должно иметь санкцию старины*» [Дьяконов, 1908, с. 207] (так, Иван IV на знаменитом Стоглавом соборе говорил, что по благословлению освященного собора он и бояре исправили Судебник «по старине», «непоколибимо во веки»¹), то что тогда говорить о князьях средневековой Руси? И если английский дипломат и мемуарист Дж. Флетчер в 80-х гг. XVI в. писал о том, что «пись-

¹ Стоглав. Текст. Словоуказатель. 2015. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 320 с. – С. 53.

менных законов у них (т. е. у русских. – А. Ф.) нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяется время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства и другие подобные тому судебные формы и обстоятельства» [Флетчер, 1991, с. 76], то принимая во внимание все вышеизложенные обстоятельства, надо ли говорить о том, что такое положение дел вовсе не является чем-то необычным и из ряда вон выходящим?

Однако надо ли полагать, исходя из всего сказанного прежде, что судебная система средневековой Руси и ее правовая культура в силу своей архаичности и примитивности были малоэффективны и средневековая Русь, а вслед за ней и раннемодерная Россия, являлись царством беззакония и произвола, временем торжества пресловутого «кулачного права» (как это принято обычно считать, исходя из некритического восприятия свидетельств тех же иностранных наблюдателей – а хотя бы и упомянутого выше Дж. Флетчера, который писал о том, что де у московитов единственным законом является «закон изуственный, то есть воля царя, судей и других должностных лиц, который должен признаваться источником своих законов и блюстителем правосудия» [Флетчер, 1991, с. 77])?

На наш взгляд, такой вывод был бы поспешным и преждевременным. Он основывался бы в таком случае на непонимании глубинной природы и сущности русской правовой культуры эпохи Средневековья и раннего Нового времени. И связано это в первую очередь с тем, что иностранные наблюдатели, а вслед за ними и историки, которые отнеслись к их показаниям сугубо потребительски, без должной критики и анализа, не обратили внимания на двойственный характер этой культуры. Они обратили внимание, образно говоря, на ту часть айсберга, которая находилась над водой и была доступна обозрению, а вот подводная его часть оказалась за пределами их внимания. И понятно, с чем это связано – русское общество той эпохи было обществом закрытым, с недоверием относившимся к иноземцам, которые в подавляющем числе были еще и иноверцами, и потому, исполненное пренебрежительного отношения к ним, оно совсем не стремилось делиться с «латинянами» и «люторами» тем самым «знанием о сущем». Обычное право и традиционная правовая культура относилась как раз к этой ненаблюдаемой части айсберга, тому закулисию, в которое иностранцы допущены не были.

Между тем именно здесь, в этой закрытой от постороннего взора сфере, и происходили наиболее важные события и процессы. Обратимся снова к свидетельству Дж. Флетчера. Он был прав (и не только он один – даже спустя сто лет, в конце XVII в., имперский дипломат И. Корб, сообщая своим читателям о том, что у русских есть свод писаного права «Соборное уложение», тем не менее указывал: «Кроме краткой описи хронологических чисел, формул судебных решений и некоторых до сих пор употреблявшихся обычаев, у москвитян нет никакого писаного права, воля царя и указ Думы считаются у них верховным законом» [Корб, 1997, с. 216]), когда писал, что у русских нет писаного права, кроме как небольшого кодекса, содержащего нормы процессуального права. Действительно, если обратиться к текстам Судебника 1497 г. и так называемого «царского» Судебника 1550 г., то нетрудно заметить, что большую часть статей в них составляют нормы, подробно расписывающие порядок судопроизводства и прочие подобные связанные с ним вопросы. К оставшейся части относятся, по преимуществу, те статьи, которые связаны с особо опасными преступлениями против общественного порядка и личности. Как отмечала Н. Коллманн, верховная власть в России в раннее Новое время «успешно реализовала свою претензию на судебную власть в уголовных делах, сохранив право на вынесение менее значимых судебных решений на местном уровне» [Kollmann, 2012, с. 23].

Но как, в таком случае, решались дела на местном уровне? Прямого ответа на этот вопрос нет, но его можно сделать, если обратиться к грамотам, которые выдавались центральными административными учреждениями. Так, например, выдавая служилому чело-

веку кормленую грамоту, московский государь предписывал населению волости, куда отъезжал на службу кормленщик, «чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего...» [Памятники, 1955, с. 156].

Фразу «ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего» нельзя истолковать иначе, кроме как отсылку к тем самым обычаям и неписаным нормам, которые определяли порядок разрешения возникающих юридических коллизий в данной волости, и к тем порядкам, которые регулировали особенности взаимоотношений между присылаемыми «сверху» администраторами и местным населением. Подтверждением этого нашего предположения служит текст другой кормленной грамоты. В ней четко и недвусмысленно сказано, что кормленщик людей отданной ему в кормление волости «ведает и ходит у вас по *старой пошлине*, как было преже сего» [Памятники, 1955, с. 157]. «Пошлина» же, упомянутая в этом словобороте из формуляра грамоты, означала ничто иное, как искони заведенный обычай, исконное право и привилегия¹. Эта «пошлина» и есть та самая «старина» (в т. ч. и юридическая в широком понимании смысла этого термина), которая складывалась веками и соблюдения которой как неперемennого условия сохранения лояльности и готовности сотрудничать ожидали от верховной власти на местах и тамошние «сильные» люди, и простонародье.

Мы коснулись формуляра кормленных грамот, а вот что пишет касательно грамот губных, имеющих отношение к организации местного, «земского», самоуправления и судоропроизводства на местах, В.В. Бовыкин. По его словам, «ни в одной губной грамоте мы не увидим сколько-нибудь внятных инструкций, которым должны были следовать многочисленные адресаты», и связано это было, по его мнению, с тем, что «законодателю, по-видимому, совершенно нечего было сказать по этому поводу, и он всю организационную, прикладную и практическую часть дела отдал на откуп местной инициативе», сохранив за собой главное – «право изменять правила игры в любое время и возможность практически реализовывать это право – руководящие и контролирующие функции» (на что в губных грамотах есть прямые и недвусмысленные указания) [Бовыкин, 2015, с. 184]. Любопытный пассаж, кстати, есть в грамоте, которую дал Иван Грозный своим воеводам, оставленным наместничать в только что взятом русскими войсками Полоцке в феврале 1563 г. Царь писал им, касаясь порядка судоропроизводства в своей обретенной «отчине»: «А управа давати литовским людям, шляхте и брѣмитсром, и земским людям и земляном, бояром и воеводам, розспрос про здешние всякие обиходы, как у них обычи ведутца, да и с обычея сперва и судити и управы им в городе давати», причем судьи и дьяки, которые должны были вести судоропроизводство, должны были избираться из полочан, а царским наместникам вменялось в обязанность «надзирати над головами, кого в судьи выберет, и над бурмистры, чтоб земским людям и черным от судей, кого выберет, и от бурмистров однолично обиды и насилства некоторыми обычи не было» [Баранов, 2004, с. 145].

Таким образом, нетрудно заметить, что, жалуя своих подданных грамотами, верховная власть «надстраивала» над «пошлиной» новый ярус, положения которого фиксировались в писаном праве. И, что самое важное, этот ярус со временем приобретал все более и более значимый вес – государство постепенно наращивало свою «мускулатуру», административный ресурс, обеспечивая его фиксируемыми на бумаге нормами, расширяя со временем сферу действия писаного, кодифицированного в той или иной форме права. Причем стоит заметить, что верховная власть пока не ставила в принципе задачу заменить или, на худой случай, вытеснить обычное право на обочину развивающейся правовой

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 (Потка – Преначальный). М., Наука, 1992, – 288 с.

культуры – на это у нее не было соответствующих возможностей и, если говорить начистоту, права. Нет, скорее речь шла о том, что она посредством фиксации норм обычного права или же упоминанием о них в тех же кормленных грамотах придавала обычаю официальный статус, уравнивая его, в определенном смысле, с княжеским правом. Тем самым, легитимизируя через государственные акты «пошлину» и придавая ей законный статус, государство, верховная власть де-факто соглашалась со сформировавшимся естественным путем тем самым «двуначалием» русского права, с упоминания о котором мы и начали эту статью.

Выводы

В существовании и постоянном воспроизводстве двуначалия русского права и в средневековой Руси, и в раннемодерном Русском государстве (в особенности в допетровскую эпоху), как отмечала Н. Коллманн, четко просматривалась двойственная и противоречивая природа правовой системы, формы и содержания, деклараций и реальности. «В то время, как законы утверждали примат царской юстиции, – писала она, – *судопроизводство и судебная практика отвечали представлениям местного населения о правосудии, ориентированном на поддержание целостности и стабильности сообществ, в которые это население было организовано*» [Kollmann, 2012, с. 7]. Поставленное перед необходимостью выбирать – или строгое следование принципу *dura lex sed lex*, или же поддержание социальной стабильности и порядка, – власть, стремясь не обострять отношения с «землей», без содействия которой выполнение функций, возложенных на власть, было бы практически невозможно, выбирала сохранение «пошлины», соблюдение которой и гарантировала столь важную «тишину» и лояльность. Но как могло быть иначе, если подданные московских государей и «не подозревали, что требования Судебника (в данном случае речь идет о Судебнике 1497 г., но эти слова имеют отношение и ко всем другим кодификациям русского средневекового и раннемодерного права. – А. Ф.) могут иметь безусловный приоритет перед обычаями и моральными нормами»? [Петров, 2008, с. 377].

Но если судья в московском судебном присутствии должен был, имея перед собой задачу блюсти государев интерес, ориентироваться не только и не столько на нормы писаного «княжеского права», сколько на «пошлину», соотносясь с обстоятельствами («смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу прибылнее»), то в таком случае можно ли говорить о том, что в московском судопроизводстве царил произвол? Или же все-таки стоит согласиться с мнением Н. Коллманн, указывавшей, что если судья и выносил приговор, который мог не совпадать с нормами писаного права, то это являлось не «свидетельством произвола или "незаконности" в судебной культуре, но знаком того, что судебная культура функционировала сбалансировано и исправно»? [Kollmann, 2012, с. 8]. Пожалуй, вторая точка зрения ближе к истине, чем первая. И обычай, традиция, «пошлина», и связанный с ними неформальный, патриархальный подход к делу, основанный на понятиях правды и справедливости, но не закона, играли в этой системе долгое время существенно большую роль, нежели писаное право.

Вместе с тем несомненно, что сфера деятельности писаного права, на первых порах ограничивавшаяся подробной регламентацией порядка судопроизводства и особо тяжкими преступлениями (в первую очередь «душегубства и розбою с поличным») постепенно расширялась, захватывая все новые и новые области, а власть все больше входила во вкус законотворчества, привыкая к тому, что ее воля может творить право. И отмеченное выше «отчуждение» писаного права от его творцов, от общества, от «земли», не могло не иметь негативных последствий и для правовой культуры, и для общего настроения в отношениях власти и «земли». Те же разбои и татьба нередко были следствием того, что, как отмечал

Н.Я. Аристов, «большая часть разбойников бежали из общества, вынужденные необходимостью, от разных невзгод, недоразумений и безнравья жизни», ибо «права свободного житья, сложившиеся издавна и вошедшие в плоть и кровь русского человека, просили не тех обычных порядков, которые вводились сплеча и часто насильно, хотя вовсе несродны были народным стремлениям». «Интересы администрации часто шли вразрез с нуждами и желаниями народа, – продолжал дальше исследователь, – *живучие и упорные предания старины не ладили с административными нововведениями*» и, как результат, «порядки, несоответствовавшие стремлениям народным, породили увлечения, пьяные вспышки, – молодцы улетали в леса и степи или на реки и моря» [Аристов, 1875, с. 106]. «Пошлина» уходила в прошлое с трудом и с кровью, и процесс этот растянулся на века – в консервативной русской деревне правовой обычай сохранил свое значение вплоть до начала XX в. [Безгин, 2017].

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука, 240 с.
2. Алексеев Ю.Г. 2001. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., Дмитрий Буланин, 448 с.
3. Аристов Н.Я. 1875. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, тип. Н.Д. Гольдштейна, 165 с.
4. Баранов К.В. 2004. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. В кн.: Русский дипломатий. Вып. 10. Отв. ред. А.В. Антонов. М., изд. «Древлехранилище»: 119–154.
5. Безгин В.Б. 2017. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., Common place, 334 с.
6. Бovyкин В.В. 2015. Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного. СПб., ИПК Вести, 423 с.
7. Гуревич А.Я. 2007. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 560 с.
8. Дьяконов М.А. 1908. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., Издание Юридического книжного склада «Право», 509 с.
9. Живов В.М. 1988. Круглый стол: 1000-летие Крещения Руси. Советское славяноведение, 6: 36–39.
10. Живов В.М. 2002. История русского права как лингвoseмиотическая проблема. Postscriptum. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 291–305.
11. Живов В.М. 2002. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 73–115.
12. Иванов С.А. 2003. Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина. М., Языки славянской культуры, 376 с.
13. Корб И. 1997. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. В кн.: Рождение империи. М., Фонд Сергея Дубова: 21–258.
14. Кром М.М. 2010. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., Новое литературное обозрение, 888 с.
15. Леви-Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., Академический проект: 143–501.
16. Памятники русского права. 1955. Выпуск 3. Памятники права периода образования централизованного Русского государства XIV–XV вв. Под ред. Л.В. Черепнина. М., Гос. изд-во юрид. лит-ры, 527 с.
17. Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. 2016. Формирование русской исторической школы права. Образование и право, 2: 188–194.
18. Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная

практика первой половины XVI в.)). Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб., Альянс-Архео: 365–382.

19. Розанов С.П. 1904. Материалы по истории русских Пчел. М., Общество любителей древней письменности: 128 с.

20. Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Пер. с нем. Г. Жигулина. Том I. М., Статут, 510 с.

21. Украинский В. 1907. Крестьянская община и аграрная реформа. М., Тип-я Г. Лиснера и Д. Собко, 117 с.

22. Филиппов А.Н. 1886. Народное обычное право как исторический материал. Русская мысль, 9: 56–71.

23. Флетчер Дж. 1991. О государстве Русском. В кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., Международные отношения: 25–138.

24. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press: 341 p.

25. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 341 p.

26. Brewer J. 1989. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 253 p.

27. Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In: Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, Cambridge University Press: 1–22.

28. Cohen E. 1993. The crossroads of justice: law and culture in late medieval France. Leiden, New York: E.J. Brill, 231 p.

29. Franklin S. 2002. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge, Cambridge University Press, 325 p.

30. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.

References

1. Alekseev Yu.G. 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Publ. Nauka, 240 p.

2. Alekseev Yu.G. 2001. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [Code of Laws of Ivan III. Tradition and Reform]. SPb., Publ. Dmitriy Bulanin, 448 p.

3. Aristov N.Ya. 1875. Ob istoricheskom znachenii russkix razbojnich`ix pesen [About the historical significance of Russian robbery songs]. Voronezh, Publ. Tipografiya N.D. Gol`dshtejna: 165 p.

4. Baranov K.V. 2004. Zapisnaya kniga Poloczkogo poxoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63]. In: Russkij diplomatarij [Russian diplomatarium]. Issue 10. Ed. by A.V. Antonov. M., Publ. Drevlexranilishhe: 115–154.

5. Bezgin V.B. 2017. Muzhiczkaya pravda. Oby`chnoe pravo i sud russkix krest`yan [Peasant Truth. Common law and court of Russian peasants]. M., Publ. Common place, 334 p.

6. Bovy`kin V.V. 2015. Oчерки po istorii mestnogo samoupravleniya e`poxi Ivana Groznogo [Essays on the history of local self-government in the era of Ivan the Terrible]. SPb., Publ. IPK "Vesti", 423 p.

7. Gurevich A.Ya. 2007. Izbranny`e trudy`. Srednevekovy`j mir [Selected Works. Medieval world]. SPb., Publishing house of St. Petersburg. University, 560 p.

8. D`yakonov M.A. 1908. Oчерки obshhestvennogo i gosudarstvennogo stroya drevnej Ru-si [Essays on the social and state structure of ancient Rusi]. SPb., Publication of the Legal Book Warehouse "Pravo", 509 p.

9. Zhivov V.M. 1988. Krugly`j stol: 1000-letie Kreshheniya Rusi [Round table: 1000th anniversary of the Baptism of Rus]. Sovetskoe slavyanovedenie, 6: 36–39.

10. Zhivov V.M. 2002. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema. Postscriptum [History of Russian law as a linguosemiotic problem. Postscriptum]. In: Zhivov V.M. Razy`skaniya v oblasti istorii i predy`storii russkoj kul`tu-ry` [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M., Publ. Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`: 291–305.

11. Zhivov V.M. 2002. Osobennosti recepcii vizantijskoj kul`tury` v drevnej Rusi [Features of the reception of Byzantine culture in ancient Russia] In: Zhivov V.M. Razy`skaniya v oblasti istorii i

predy`storii russkoj kul`tury` [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M., Publ. Yazy`ki slavyanskoy kul`tury`: 73–115.

12. Ivanov S.A. 2003. Vizantijskoe missiонерство: Mozhno li iz varvara sdelat` xristianina [Byzantine Missionary: Is It Possible to Make a Christian from a Barbarian]. M., Publ. Yazy`ki slavyanskoy kul`tury`: 376 p.

13. Korb I. 1997. Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo Ignatiya Gvarienta, posla imperatora Leopold`da I k czaryu i velikomu knyazyu Petru Alekseevichu v 1698 g., vedennyj sekretarem posol`stva Iogannom Georgom Korbom [Diary of a trip to the Moscow state of Ignatius Gvarient, ambassador of Emperor Leopold I to the Tsar and Grand Duke Peter Alekseevich in 1698, kept by the secretary of the embassy Johann Georg Korb]. In: Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]. M., Publ. Sergei Dubov Foundation, 21–258.

14. Krom M.M. 2010. Vdovstvuyushhee czarstvo: politicheskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka [The Dowager Kingdom: Political Crisis in Russia in the 30s-40s of the 16th Century]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 888 p.

15. Zhivov V.M. 1988. Kruglyj stol: 1000-letie Kreshheniya Rusi [Round table: 1000th anniversary of the Baptism of Rus]. Sovetskoe slavyanovedenie, 6: 36–39.

16. Levi-Stross K. 2008. Nepriruchennaya my`sli` [Untamed thought]. In: Levi-Stross K. Totemizn segodnya. Nepriruchennaya my`sli` [Totemism today. An untamed thought]. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143–501.

17. Pamyatniki russkogo prava. [Monuments of Russian law]. 1955. Issue 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya centralizovannogo Russkogo gosudarstva XIV–XV vv. [Monuments of law of the period of formation of the centralized Russian state XIV–XV centuries]. Edited by L.V. Cherepnin. M., State Publishing House of Legal Literature, 527 p.

18. Pashencev D.A., Chernyavskij A.G. 2016. Formirovanie russkoj istoricheskoy shko-ly` prava [Formation of the Russian Historical School of Law]. In: Obrazovanie i pravo, 2: 188–194.

19. Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat`i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did the 1497 Code of Law have the meaning of the law in its modern sense? (Regarding SN Kisterev's article "Grand Ducal Code of Laws of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")]. In: Ocherki feodal`noj Rossii. Issue 12. M.-SPb., Publ. Al`yans-Arxeo: 365–382.

20. Rozanov S.P. 1904. Materialy` po istorii russkix Pchel [Materials on the history of Russian Bees]. M., Publ. Obshhestvo lyubitelej drevnej pis`mennosti: 128 p.

21. Stoglav. Tekst. Slovoukazatel` [Stoglav. Text. Word guide]. 2015. M.-SPb., Publ. Center for Humanitarian Initiatives, 320 p.

22. Ukrainskij V. 1907. Krest`yanskaya obshhina i agrarnaya reforma [Peasant community and agrarian reform]. M., Printing house of G. Lissner and D. Sobko, 117 p.

23. Filippov A.N. 1886. Narodnoe oby`chnoe pravo kak istoricheskij material [Popular customary law as historical material]. Russkaya my`sli`, 9: 56–71.

24. Fletcher Dzh. 1991. O gosudarstve Russkom [Of the Russe Common Wealth]. In: Proezhaya po Moskovii (Rossiya XVI–XVII vekov glazami diplomatov). [Driving through Muscovy (Russia of the XVI–XVII centuries through the eyes of diplomats)]. M., Mezhdunarodny`e otnosheniya: 25–138.

25. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 341 p.

26. Brewer J. 1989. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 253 p.

27. Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In: Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, Cambridge University Press: 1–22.

28. Cohen E. 1993. The crossroads of justice: law and culture in late medieval France. Leiden, New York: E.J. Brill, 231 p.

29. Franklin S. 2002. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge, Cambridge University Press, 325 p.

30. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Туранин Владислав Юрьевич, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, г. Белгород, Россия

Пенской Александр Витальевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Vladislav Yu. Turanin, associate Professor, head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, doctor of law, Belgorod, Russia

Alexander V. Penskoj, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia